

Ягер заметил, что две твари прорываются в повозку госпожи Винтер – этого он и опасался. Изнутри слышалось пение, похожее на молитву. Он приготовился напасть, когда внезапно ослеп от ярких летящих искр. Вспыхнула цепочка огней, и воздух наполнился запахом озона, превосходящим даже запах разложения. Когда взор Феликса прояснился, он увидел жалкие остатки скелетов, лежавших у ступенек повозки.

В дверном проеме невозмутимо и бесстрашно замерла госпожа Винтер, от ее руки исходило сияние. Она посмотрела на Феликса и ободряюще кивнула.

Позади нее стояла Кирстен, молча указывая ему назад. Обернувшись, он увидел дюжину мертвых воинов, бежавших к нему. Он услышал, как Дитер и его люди спешат им наперехват. Тогда и он присоединился к сече.

Для Феликса ночь превратилась в ревущий хаос; он бегал вокруг лагеря в поисках Готрека. В одном месте туман прояснился, и он затолкал нескольких дрожащих детей под повозку, вытащив их из-под мертвых тел родителей. Мужчина был в ночной рубашке, рядом с ним лежала женщина, в ее руке был веник, торчавший, как копье. Феликс услышал шум и обернулся лицом к огромному скелету, навалившемуся на него. Каким-то чудом он уцелел.

Потом Феликс сражался спиной к спине с Дитером, пока они не остались одни возле кучи разлагающихся тел. Битва откатилась от него, когда сгустился туман, и в течение долгого времени он оставался один, прислушиваясь к крикам умирающих.

Кто-то набросился на него, и они обменялись ударами. Феликс узнал Ларса, на его лице застыл оскал, обнажавший недостающие зубы, угрозы, проклятья и пена вырывались из его рта. С яростью берсерка он бросился на Феликса. Малый сошел с ума от страха.

– Уплюток! – выплюнул он, обрушив на Феликса удар, который мог бы свалить дерево. Феликс наклонился к земле, увернувшись от удара, и бросился вперед, стараясь овладеть собой. Ларс взревел, как перед смертью. Ягеру дивился, насколько тот обезумел: ведь если бы охотник убил Феликса, его бы могли осудить за нападение. Но горец все лез в драку.

Затем Феликс заглянул за угол, где огромное число мертвяков встретилось с яростной секирой Готрека. Пролетела цепь голубых огней, и вокруг него все стало чисто. Он поискал глазами госпожу Винтер, чтобы поблагодарить, но она исчезла, растворившись в тумане. Обернувшись, Феликс увидел гнома, широко раскрывшего рот от изумления.

Где-то внизу их враги спешно бежали обратно в холмы, оставив воинов барона фон Диела среди разбитых фургонов и павших спутников.

В свете раннего утра Феликс с опаской наблюдал, как Готрек исследует камни старого свода пещеры. Тяжелый запах спертого воздуха и распавшихся костей, исходящий оттуда, заставлял Феликса помалкивать. Он отвернулся и стал смотреть на подножия холмов, где выжившие переселенцы сооружали для погибших погребальные костры из остатков разгромленных повозок. Никто не хотел хоронить их так близко к этим холмам.

Феликс услышал удовлетворенный возглас Готрека и повернулся, чтобы посмотреть на него. Гном со знанием дела водил рукой по разрушенным камням с тонкой паутиной старых рун. Готрек взглянул на Феликса и яростно оскалится.

– Нет сомнения, человеческий отпрыск: руны, защищавшие выход, были разрушены снаружи.

Феликс посмотрел на него. В нем расцвело подозрение. Он очень испугался.

- Похоже, что кто-то помогает проклятью барона фон Диела воплотиться в жизнь, - прошептал он.

С серого неба на землю лился дождь. Позади каравана волны Гремящей реки неслись к своему устью. Разбухшая от дождей река так и грозила выйти из своих берегов. Феликс ожесточенно дергал поводья: волы спотыкались и прикладывали двойные усилия, с натугой продвигаясь по раскисшей земле.

Позади него чихнула Кирстен. Так же как и все остальные, она была бледной и выглядела больной. Тяжесть дальнего пути и ухудшающаяся погода делала всех их легкой добычей для недуга.

Ни один город не принимал их. Вооруженные воины грозили сражением, если караван не будет прокладывать путь по непригодной для жилья земле. Дорога становилась нескончаемой. Казалось, они будут ехать вечно и никогда не найдут покоя. Даже осознание того, что кто-то из свиты освободил мертвяков из курганов, понижало бдительность, перерастая в холодное подозрение, что виновный никогда не будет найден.

Феликс виновато посмотрел на Готрека, ожидая, что чихание Кирстен вызовет его обычные комментарии по доводу человеческой слабости, однако Победитель троллей был тих и смотрел на Горы Предела Миров с твердой решимостью, необычной даже для него.

Феликс все думал, когда же он наберется смелости и скажет Готреку, что он больше не пойдет с ним, а останется и поселится с Кирстен. У него были сомнения в том, как поведет себя гном. Сочтет ли Готрек это очередным примером человеческой неверности или придет в ярость?

Феликс был расстроен. Он любил Победителя троллей, несмотря на всю его угрюмость и злословие. Его терзала мысль о том, что Готрек в одиночку отправится навстречу своей судьбе. Но он любил Кирстен, и даже подумать о том, чтобы покинуть ее, было слишком мучительно. Возможно, Готрек чувствовал это, и это было причиной его отрешенного состояния. Феликс повернулся и нащупал руку девушки.

- Куда вы смотрите, господин Гурнисон? - спросила Кирстен гнома. Готрек даже не обернулся, чтобы взглянуть на нее, по-прежнему уставившись на далекие горы. Поначалу казалось, что Победитель троллей не ответит, но постепенно он отвернулся от покрытых облаками вершин.

- Караз-а-Карак, - сказал он. - Вечная Вершина. Мой дом. - Его голос был мягче, чем когда-либо слышал Феликс, и содержал всю глубину страсти разбитого сердца. Готрек обернулся, чтобы посмотреть на них, и на его лице проглядывала такая немая и острая печаль, что Феликс даже потупился. Высокий хохол гнома обвис под дождем, а его лицо было бледным и унылым. Кирстен наклонилась, чтобы накинуть плащ Готрека ему на плечи, как она бы поступила с потерявшимся ребенком.

Готрек попытался бросить на нее свой яростный и независимый взгляд, но не смог и только печально улыбнулся, обнажив потерянные зубы. Феликс подумал, неужели гном совершил весь этот путь только ради этого мимолетного появления родных гор. Он увидел, как упала капля воды с носа Победителя троллей. Это могла быть слеза - или просто дождь.

Они продолжали свой путь на юг.

- Мы не можем бросить их сейчас, - воскликнул Феликс, проклиная себя за трусость.

Готрек обернулся и посмотрел на полуразрушенную укрепленную усадьбу, обнаруженную ими.

Он следил за струйками дыма, поднимавшимися вверх из каминов недавно расчищенных зданий.

- Почему же, человеческий отпрыск? Они нашли свободную землю, пригодные для обработки поля и руины старого форта. Немного поработав, они обеспечат себе безопасность.

Феликс в отчаянии искал причину. Он был сам удивлен, что так старается отсрочить тот момент, когда он скажет Готреку о необходимости расстаться. Готрек смотрел на него в точности как строгий отец. Феликс вновь почувствовал, что должен извиняться, и ненавидел себя за это.

- Готрек, мы находимся только в сотне миль к северу от того места, где Гремящая река впадает в Кровавую. А дальше - Дурные земли и полчища наездников на волках.

- Я знаю, человеческий отпрыск. Нам придется пересечь их, когда мы отправимся к Восьми Вершинам Карака.

"Скажи ему. Просто скажи это", - боролся с собой Феликс. Но он не мог вымолвить правды.

- Мы не можем просто уйти сейчас. Ты же видел тела, обнаруженные в имении. Кости раздроблены, чтобы извлечь мозг. Стены сожжены. Дитер сказал, что он нашел следы волчьих всадников. Это место небезопасно. Но с твоей помощью, помощью гнома, оно перестанет быть таким.

Готрек рассмеялся.

- С чего ты взял?

- Потому что гномы умело обращаются с камнями и знают, как возводить укрепления. Это всем известно.

Готрек задумчиво обернулся на имение. Казалось, оно напоминает ему что-то из прежней жизни. Он сдвинул брови и оперся лбом на рукоять своей секиры.

- Я не уверен, - наконец произнес он, - что даже гном может сделать это место безопасным. Типичная человеческая работа. Непрочно, очень непрочно.

- Его можно защитить, ты знаешь. Можно, Готрек.

- Пожалуй.... Много же времени прошло с тех пор, когда я работал по камню, человеческий отпрыск.

- Гном никогда не забывает подобные вещи. И я уверен, что барон щедро заплатит за такую службу.

Готрек презрительно хмыкнул.

- Хорошо бы побольше, чем он платит своим наемникам.

Феликс улыбнулся.

- Так пойдем и выясним это.

Так и не сумев уснуть, Феликс тихо поднялся. Он быстро оделся, не желая будить Кирстен,

нежно поправил плащ, которым они укрывались как шерстяным одеялом, чтобы она не замерзла, и легко поцеловал ее в лоб. Девушка зашевелилась, но не проснулась. Ягер взял свой меч оттуда, где обычно его оставлял – у входа в их хижину, – и вышел на ночной воздух. "Приближается зима", – подумал Феликс, глядя, как клубится его холодное дыхание.

При свете лун он нашел дорогу вдоль ряда хибарок, находившихся под защитой новых бревенчатых стен, окружавших имение. Впервые за долгое время он ощущал покой. Даже ночной шум лагеря успокаивал. Укрепление форта было завершено до первого снега. И похоже, что у поселенцев хватит зерна, чтобы продержаться зиму и засеять поля весной.

Он услышал мычание скота и размеренную поступь часовых на стенах. Взглянув наверх, он увидел, что свет все еще горит в окне комнаты Манфреда. Феликс подумал о своем извилистом жизненном пути. "Вот уж чего я никогда не мог вообразить местом для собственного поселения, так это укрепленную деревню на границе пустоты. Интересно, что бы подумал мой отец, если бы увидел меня сейчас, меня, почти ставшего крестьянином. Наверно, умер бы от разрыва сердца", – улыбнулся Феликс.

Ему было хорошо здесь. Тут было ощущение чего-то изначального – только еще складывающегося общества. "И я смогу найти свое место в нем, – думал он. – Здесь и начнется моя новая жизнь".

Он зашагал к башне охранников, зная, что найдет там Готрека. Гном почти не спал, неустанный и всегда готовый двигаться вперед. Он любил бездельничать по ночам, наблюдая за башней, которую сам возвел.

Поднявшись по винтовой лестнице, Феликс влез сквозь люк в полу комнаты охранников. Он увидел Готрека, уставившегося в ночь. Вид гнома заставил Феликса нервничать, но он овладел собой, решившись сказать гному правду.

– Тоже не спится, человеческий отпрыск?

Феликс с трудом кивнул. Когда он репетировал про себя свою речь, все казалось таким простым. Он разумно объяснял ситуацию, говорил Готреку, что остается с Кирстен, и ждал ответа гнома. Теперь это было гораздо труднее – язык онемел и слова застревали в горле.

Он весь дрожал от воображаемых оскорблений Готрека: что он трус и клятвопреступник; что он должен благодарить гнома за спасение своей человеческой жизни... Феликсу придется признать, что он поклялся следовать за Готреком и записывать все события в его судьбе. Разумеется, он поклялся в этом, будучи пьяным и преисполненным благодарности к гному за то, что тот только что вытащил его из-под копыт имперской конницы... Но клятва есть клятва, как сказал бы Готрек.

Ягер подошел и встал рядом с Победителем троллей. Они смотрели на ров, окружавший внешнюю сторону стен, который был утыкан острыми кольями. Единственным безопасным проходом был земляной мостик, который хорошо просматривался из этой башни.

– Готрек...

– Да, человеческий отпрыск?

– Ты очень здорово все это построил – сказал Феликс. Готрек взглянул на него и зловеще улыбнулся.

– Скоро мы это проверим, – сказал он. Феликс посмотрел в ту сторону, куда указывал Победитель троллей. Поля чернели от толпы волчьих всадников. Готрек поднял рог к своим губам и затрубил тревогу.

Феликс отпрянул, когда стрела воткнулась в деревянный парапет рядом с ним. Он бросился вниз и взял арбалет из Рук убитого охранника, рухнувшего со стрелой в горле. Поэт неумело вертел его в руках и пытался разобраться с оружием. Наконец, ему удалось приладить стрелу на место.

Он поднялся. Зажженная стрела пролетела над его головой, как падающая звезда. За спиной взвилось пламя. Феликс посмотрел вниз с парапета.

Наездники на волках окружили лагерь, как волки окружают стадо скота. Он видел зеленую кожу всадников, поблескивающую в свете зажигательных стрел. Пламя освещало их желчные глаза и пожелтевшие клыки.

"Их тут, должно быть, сотни", – подумал Феликс. Он поблагодарил Сигмара за ров, частокол и деревянные стены, которые заставил построить Готрек. Тогда это казалось лишней работой, и гнома повсюду проклинали. Однако это оказалось абсолютно верным шагом.

Феликс навел арбалет на наездника на волках, который прицелился в башню просмоленной стрелой, и натянул тетиву. Стрела просвистела в ночи и поразила гоблина в грудь. Он упал в седле. Выпущенная им стрела улетела в небо, как будто он целился в луну.

Феликс отвернулся и перезарядил свое оружие. Стоя спиной к парапету, он мог видеть внутренний двор. Живая цепочка из женщин и детей передавала ведра из бочек с дождевой водой к объатым огнем домам, безуспешно борясь с распространяющимся пламенем. Он увидел, как одна старушка упала, а остальные вздрогнули, когда рядом с ними черным дождем посыпались стрелы.

Феликс повернулся и выстрелил снова, но промахнулся. Ночь была полна звуков. Крики умирающих, завывание волков, смертельный шепот разрывающих воздух стрел и арбалетных болтов. Он слышал счастливое пение Готрека на гномьем языке и где-то далеко – сухой металлический голос барона, отдающего приказания. Собаки лаяли, лошади испуганно ржали, дети кричали. Феликс мечтал лишиться слуха.

Он услышал царапанье когтей по дереву рядом с собой и вскочил на ноги. Взглянув через парапет, он похолодел. Прямо под собой он увидел челюсти волка. Зверь перепрыгнул через ров, избегнув острых кольев, на которых висели тела его менее удачливых собратьев.

Он почувствовал тяжелое дыхание волка, увидел, как всадник упрямо вцепился в готовящееся к новому прыжку животное. Феликс выпустил новый заряд из арбалета. Волк упал с пронзенной грудью. Его всадник скатился с него и поспешно исчез в ночи.

Феликс увидел, как в смотровую башню, встав на плечи Готрека, карабкается госпожа Винтер. Он надеялся, что ей удастся что-нибудь сделать. В завывающем хаосе ночи было невозможно перемолвиться с кем-нибудь словом, но Феликс и так чувствовал, что у защитников дела плохи. Ров был заполнен телами нападавших, но и защитники, несмотря на прикрывавший их парапет, падали под непрерывным обстрелом один за другим.

Когда Феликс выглянул снова, то увидел группу тяжеловооруженных орков, несших остроконечный деревянный таран. Они рысцой направлялись к воротам. Арбалетные стрелы сразили некоторых из них, но остальные укрылись за щитами бежавших рядом с ними воинов.

Он услышал громкий звук удара бревна в ворота.

Феликс выхватил свой меч, готовясь прыгнуть во двор и защищать вход. Если ворота не выдержат, то единственное что он может сделать, так это дорого продать свою жизнь. Число противников намного превосходило их собственные силы – долго не продержаться. Он почувствовал, как страх переворачивает его нутро. Ягер мог лишь надеяться, что Кирстен была в безопасности.

Раздался спокойный, чистый голос госпожи Винтер. Она пела, как священник на молитве. Затем вспыхнул свет. Яркий синий луч сверкнул в ночи. Воздух наполнился озоном. Волоски на шее Феликса вновь зашевелились. Он видел, как свет вонзился в несущих таран орков, услышал их крики. Кто-то отскочил назад, прыгая как шут и роняя оружие. Враги падали на землю, их тела тлели. Отвратительный запах горелого мяса наполнил воздух.

Вновь и вновь обрушивался огонь. Волки испуганно завывали, ослабел шквал стрел, усилился тошнотворный запах. Феликс взглянул на госпожу Винтер. Ее лицо было мрачным и бледным, а волосы встали дыбом. Когда на ее лице отражались белые и синие вспышки в ночи, она казалась настоящим демоном. Он никогда не подозревал, что человек может обладать такой силой.

Наездники на волках и орки спешно отступили, завывая от ужаса, стремясь выбраться из-под этих молний. Феликс почувствовал облегчение. Затем вдалеке он заметил луч света.

Он вперился в темноту и увидел старого зеленокожего шамана. Красный нимб сиял вокруг его черепа, подсвечивая колпак из волчьей шкуры и костяной посох, который он держал в узловатой, когтистой руке. Луч кровавого света вырвался из его головы и поразил госпожу Винтер.

Феликс увидел, как волшебница со стоном отступила назад. Готрек подскочил к ней, чтобы поддержать ее. Он видел гримасу боли, ее лицо стало похоже на бледную маску. Она стиснула зубы, нахмурила брови и, казалось, вступила в сверхъестественное соперничество со старым шаманом.

Волчьи всадники сгруппировались вокруг своих самых смелых вожаков. Постепенно они начали возвращаться, хотя их новые атаки были уже не столь яростными. Ночная битва продолжалась.

В первых лучах рассвета Феликс подошел к Готреку, стоявшему рядом с Манфредом, Дитером и госпожой Винтер. Женщина выглядела так, как будто прошла через тяжелое испытание. Люди, собравшиеся вокруг нее, смотрели в ожидании.

– Как мы сражались? – спросил Феликс Готрека.

– Мы могли сражаться до тех пор, пока она была способна их сдерживать. Пока она могла вызвать свет. – Манфред посмотрел на Готрека и кивнул, соглашаясь.

С другой части двора слышался шум.

– Госпожа Винтер, скорее! – позвал доктор Стокхаузен. – Господин барон тяжело ранен. Стрелой, возможно отравленной.

С трудом передвигая ноги, волшебница направилась к имению. Феликс увидел, как от толпы отделилась Кирстен, чтобы помочь ей. Он улыбнулся ей, радуясь, что они оба остались живы.

С внезапным грохотом ворота колыхнулись на петлях. "Еще один такой удар, и они упадут", – подумал Феликс. Он обернулся на Готрека, который проверял заточку своей секиры большим пальцем руки. В эту вторую ночь осады Победитель троллей намеревался вступить в рукопашную битву. Феликс почувствовал руку на своем плече. Это был Хеф. Великан казался перепуганным до смерти.

– Где госпожа Винтер? – спросил он, кивая на ворота. – Это не боевой таран. Это чары того старого дьявола. Он получит все наши головы еще до исхода ночи, если эта ведьма не сможет его остановить.

Феликс перевел взгляд с Хефа на жалкую кучку оставшихся защитников. Он видел уставших воинов, раненых, с трудом носивших оружие, мальчиков и девочек, вооруженных вилами и другим импровизированным оружием. Снаружи раздавался оглушающий вой волков. Только Готрек казался спокойным.

– Я не знаю, где она. Дитер пошел за ней десять минут назад.

– Что ж, он исчерпал свое время.

– Хорошо, я сам пойду и приведу ее, – промолвил Феликс.

– Я пойду с тобой, – сказал Хеф.

– О нет, ты не пойдешь, – громко сказал Готрек. – Я верю, что человеческий отпрыск вернется. А ты останешься здесь. Эти гоблины проберутся в ворота только по нашим трупам.

Феликс поспешил в имение. Он знал, что Кирстен находится рядом с колдуньей. Если дела действительно так плохи, как кажется, то он, по крайней мере, повидается с ней перед смертью.

Он почти подошел к дверям, когда что-то затрещало позади и раздался жуткий звук падающих ворот. До него донесся боевой клич Готрека и отчаянные крики воинов. Феликс повернулся и увидел ужасное зрелище.

В дверном проеме, возвышаясь на большом белом волке, восседал шаман. Вокруг его головы мерцал красный свет – он играл на верхушке костяного посоха, озаряя кровавым отсветом лица окружающих наездников. Со стены слетела стрела, но упала, остановленная неведомой силой, прежде чем достигла колдуна.

С боков шамана охраняли шестеро могучих орков, облаченных в кольчуги, с топорами в руках и яростью на лицах. Позади них бушевало море зеленых рож и волчьих морд. Готрек громко закричал и бросился на них. Последнее, что увидел Феликс, прежде чем войти внутрь, был Победитель троллей, мчавшийся вперед, высоко подняв секиру, с развевающейся бородой, навстречу источнику ужасного света.

Внутри усадьбы было удивительно тихо, ревушие снаружи звуки поглощались каменными стенами. Феликс побежал по коридору, призывая госпожу Винтер, его голос отзывался эхом в пустых проходах.

Он наткнулся на тела в главном коридоре. Госпожу Винтер несколько раз ударили в грудь чем-то острым. Ее чистая серая одежда была в крови. На лице застыло выражение удивления, как будто смерть настигла ее неожиданно. Как могли гоблины пробраться внутрь? Феликс лихорадочно думал, но он уже знал, что это сделал не гoblin.

Второе тело лежало у двери, пронзенное в спину, как будто человек пытался открыть дверь. Не желая, не отваживаясь поверить, Феликс приблизился к нему. Его сердце, казалось, выпрыгивало из груди. Он нежно перевернул тело Кирстен. В нем зародилась слабая надежда, когда ее глаза открылись, но потом он заметил струйку крови, потекшую из ее рта.

– Феликс, – произнесла она одними губами. – Это ты? Я знала, что ты придешь.

Ее голос был слаб, и кровь пузырилась на губах, пока она говорила. Сколько же она пролежала здесь?

– Не разговаривай, – сказал он. – Не трать силы.

– Я не могу. Я должна говорить. Я так счастлива, что прошла вниз по Гремящей реке. Так счастлива, что встретила тебя. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – сказал он впервые, и увидел, как закрылись ее глаза. – Не умирай, – произнес он, нежно поднимая ее на руки. Он почувствовал, как обмякло ее тело, и все надежды разлетелись в прах. Он осторожно положил ее, слезы навернулись ему на глаза. Затем он взглянул на дверь, которую она пыталась открыть, и холодная ярость переполнила его. Феликс встал и помчался по коридору.

Тело Дитера лежало у входа в комнату барона. Голова великана поникла. Феликс заметил его, проскочив в дверь, готовый отразить атаку его врага.

Он перепрыгнул через тело как тигр, покотившись, как только приземлился, и мгновенно вскочил на ноги. Он оглядел комнату. Старый барон лежал в кровати, кровь просочилась сквозь повязку на его груди и запятнала постель.

Феликс взглянул на кресло, в котором сидел Манфред. Его клинообразный, запачканный в крови меч алел у него на коленях.

– Наконец-то исполнилось проклятие, – сказал сочинитель пьес дрожащим голосом, в котором слышались истерические нотки. Он посмотрел вверх, и Феликс вздрогнул. Как будто бы лицо Манфреда было маской, сквозь которую проглядывало что-то еще, что-то неестественное и злое.

– Я знал, что это мое предназначение – исполнить проклятие, – обыденным тоном сказал Манфред. – Знал с тех пор, как убил своего отца. Готфрид посадил его в тюрьму, когда тот начал... меняться. Запер его в старой башне и сам приносил ему еду. Никому не позволялось входить туда, кроме самого Готфрида и госпожи Винтер. Никто больше не входил туда до того дня, как я проник к нему. Ульрик знает, я не хотел.

Он поднялся на ноги, схватившись за рукоять меча. Феликс наблюдал за ним, загипнотизированный собственной ненавистью.

– Я нашел там своего отца. В нем все еще угадывались семейные черты, несмотря на то, как он изменился... Он все еще узнавал меня и называл сыном, произнося это слово холодным металлическим голосом. Он взял с меня клятву убить его. Он был слишком труслив, чтобы сделать это самому. Таков был Готфрид. Он думал, что делает добро моему отцу, оставив ему жизнь. Оставив жизнь мутанту.

Манфред начал подходить ближе. Феликс заметил, как кровь капает с его меча, оставляя следы на полу. Он чувствовал себя опустошенным и усталым. Сумасшедший молодой вельможа

стал для него центром мира.

– Как только я почувствовал, как кровь старика струится по моему кинжалу, все изменилось. Впервые для меня все стало ясным. Я увидел, как Хаос разрушает все, уродуя и искажая, как он поступил с телом моего отца. Я знал, что я его сын и что это внутри меня, течет в моей крови, что это – знак демона. Я был посланником Хаоса, порожденный им. Я был ребенком Тьмы. Моим предназначением было уничтожить род фон Диелов, и я это сделал. Он рассмеялся.

– Ссылка была прекрасной возможностью, ниспосланной самим адом. Лавина была вызвана мной, это было хорошее начало. Я подумал, что провалил все дело, когда освободил мертвяков, а они не сумели уничтожить моего дядю и его приближенных. Но теперь вас ничто не спасет. Тьма заберет всех вас. Проклятье исполнилось.

– Еще нет, – сказал Феликс, его голос прерывался и был полон ненависти. – Ты фон Диел, и ты все еще жив. Я еще не убил тебя.

Вновь последовал безумный смех. Вновь Феликс почувствовал, как будто из-за человеческой плоти проступают черты демона.

– Господин Ягер, у вас есть чувство юмора. Очень хорошо! Но как вы собираетесь убить порождение Хаоса?

– Давай это выясним, – сказал Феликс, делая выпад. С быстротой змеи Манфред поднял лезвие и отбил удар, а затем начал наступать. Удары меча высекали искры, сталь соединялась со сталью. Рука, которой Феликс дрался, онемела от силы ударов Манфреда. У вельможи была мощь маньяка.

Феликс отступал. В другое время холодный ужас перед безумием Манфреда парализовал бы его, но теперь он был настолько преисполнен мстостью и яростью, что в нем не осталось места страху. Его мир опустел. Он жил только для того, чтобы уничтожить убийцу Кирстен. Других желаний у него не осталось.

Двое обезумевших мужчин сражались в покоях барона. Манфред наступал с кошачьей грацией, самоуверенно улыбаясь, как будто бы веселясь от глупой шутки. Его меч плел стальной кокон, медленно сжимавшийся вокруг Феликса. Его глаза сверкали холодным нечеловеческим блеском.

Наконец Феликс почувствовал каменную кладку стены за спиной. Он рванулся вперед, оказавшись прямо перед Манфредом. Манфред парировал удар с завидной легкостью. Они стояли друг против друга, со скрещенными мечами, их лица были в паре вершков одно от другого. Они усиливали нажим, ища слабое место противника. Мускулы напряглись на шее Ягера, и силы его совсем покинули, когда Манфред медленно и неумолимо отбросил его руку и прижал острое, как бритва, лезвие к лицу Феликса.

– До свидания, господин Ягер, – сказал он небрежно.

Феликс ударил каблуком своего ботинка в подъем ноги Манфреда, вложив в этот удар всю свою силу и вес. Он почувствовал, как надломилась кость, лицо дворянина исказилось в агонии, нажим ослаб. Он выбросил вперед свой меч, скользнувший по шее Манфреда. Драматург пошатнулся, и удар Феликса пронзил его сердце.

Манфред упал на колени и взглянул на Феликса пустыми, непонимающими глазами. Феликс оттолкнул его своим ботинком и плюнул ему в лицо.

- Вот теперь проклятье исполнилось, - произнес он.

Сознание прояснилось, и страх исчез. Феликс вышел на холодный ночной воздух, ожидая встретить наездников на волках и умереть. Его больше ничто не волновало. Он хотел этого. Он начинал лучше понимать Готрека. У него не осталось ничего, ради чего стоило бы жить. Он преодолел все страхи.

- Кирстен, скоро я буду с тобой, - думал он.

В воротах он увидел Готрека, стоявшего на груде тел. Кровь текла из открытых ран гнома. Он двинулся вперед, опираясь на рукоятку секиры, с трудом удерживая равновесие. Рядом с ним Феликс увидел тела Хефа и остальных защитников.

Готрек повернулся к нему, и Феликс увидел, что слетевшая в пылу боя повязка обнажила пустую глазницу воина. Гном зашатался от головокружения, упал и медленно, с большим трудом попытался подняться.

- Где ты пропадал, человеческий отпрыск? Ты пропустил хорошую битву.

Феликс подошел к нему.

- Похоже на то.

- Чертовы гоблины, они просто желтоглазые трусы. Убиваешь их вожака, и остальные поджигают хвост и убегают. - Он болезненно рассмеялся. - Конечно... мне пришлось прикончить два десятка или около того, прежде чем они согласились со мной.

- Да, - сказал Феликс, глядя на груду мертвых волков и орков. Он мог выделить из них облаченную в волчью шкуру голову шамана.

- Проклятье, - сказал Готрек. - Не получается подняться на ноги.

Он закрыл свой глаз и замер.

Феликс наблюдал, как короткая вереница крестьян потянулась на север под зорким присмотром нескольких уцелевших солдат. Он подумал, что теперь, без отряда барона, их смогут принять другие поселенцы. Хотя бы ради детей, надеялся он.

Он повернулся к массивной могиле, кургану, в котором они похоронили тела. Он думал о своем будущем, похороненном вместе с ними. Он снова оказался бездомным изгнанником. Феликс взвалил на плечи свою ношу и посмотрел на далекие горы.

- Прощайте, - сказал он. - Я буду скучать.

Готрек нервно потер свою новую заплатку на глазу, затем высморкался. Он поднял секиру. Феликс заметил, что его раны затянулись и почти что зажили.

- В этих горах обитают тролли, человеческий отпрыск. Я чувствую их запах.

Когда Феликс заговорил, его голос был ровен и лишен всяких эмоций.

- Так пойдем и разберемся с ними. Он и Готрек обменялись взглядами, полными безмолвным пониманием.

- Мы еще сделаем из тебя Победителя троллей, человеческий отпрыск.

Усталым шагом оба направились под сень мрачных гор, следуя за блестящей нитью Гремящей реки.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46919>